

Энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами как приоритет его внешней политики

Чэнь Фанбо

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
fangbos@mail.ru

Аннотация.

В статье раскрывается содержание современного этапа энергетического сотрудничества Китая с иностранными государствами, которое является одним из важных элементов его внешнеполитической стратегии. Эта стратегия, в свою очередь, направлена на укрепление энергетической безопасности Китайской Народной Республики, ее технологического лидерства и геополитического влияния в условиях глобальных трансформаций. Особое внимание в статье уделяется влиянию геополитических и экономических приоритетов внешней политики Китая на энергетические аспекты среды обитания жизни в означенной стране. Детально уточняется мера и степень их воздействия на энергетическую сферу Китая. Необходимость комплексного подхода к изучению многоуровневого взаимодействия Китая с развитыми и развивающимися странами в значительной степени предопределила тип, направленность и характер исследования. В нем использованы геополитический и системный методы с учетом национальных интересов и внешнеполитических приоритетов Китая. В основу исследования положен большой документальный материал: статистические данные, руководящие документы Коммунистической партии и правительства Китая, многочисленные научные издания. Подводя итоги проведенному исследованию, можно отметить, что Китай системно диверсифицирует источники импорта традиционных энергоресурсов, активно экспортирует зеленые технологии и создает альтернативные институты сотрудничества. Это позволяет КНР снижать зависимость от экономической политики Запада и укреплять свои позиции на глобальном энергетическом рынке. Китайское политическое руководство уделяет особое внимание роли мягкой силы в продвижении климатической повестки. Практика мягкой силы способствует формированию позитивного имиджа Китая в структуре мирового сообщества. Он выступает как один из глобальных лидеров энергетического перехода. Основными препятствиями для реализации энергетических целей и задач внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в условиях глобальной нестабильности являются острая конкуренция Китая со странами Запада, экологические проблемы и высокая долговая нагрузка в ряде развивающихся стран, с которыми КНР взаимодействует в энергетической сфере.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, внешняя политика Китая, энергетическая безопасность, многополярность, энергетический переход

Для цитирования: Чэнь Фанбо. Энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами как приоритет его внешней политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 53–61.

Original article

China's Energy Cooperation with Foreign Countries as a Priority of Its Foreign Policy

Chen Fangbo

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 fangboc@mail.ru

Abstract. This article examines the current state of China's energy cooperation with foreign countries as a pivotal element of the People's Republic of China's foreign policy strategy. In the context of global transformations, such cooperation seeks to enhance China's energy security, consolidate its technological leadership, and expand its geopolitical influence. Special attention is given to how China's geopolitical and economic priorities shape its energy policies. The study adopts a geopolitical and systemic framework to examine China's multi-tiered engagement with both developed and developing countries, aligning with its national interests and foreign policy goals. The research is based on an analysis of extensive statistical data, policy documents from the Communist Party of China and the PRC government, and academic publications. The findings reveal that China is diversifying sources of traditional energy imports while actively exporting green technologies and establishing alternative cooperation frameworks. This approach enables China to reduce reliance on Western markets and strengthen its position in the global energy sector. Additionally, China's emphasis on "soft power" in promoting climate initiatives reinforces its image as a leader in the global energy transition. However, challenges persist, including geopolitical competition with Western states, environmental risks, and the debt sustainability of partner nations in the Global South.

Keywords: energy cooperation, China's foreign policy, energy security, multipolarity, energy transition

For citation: Chen, Fangbo. (2025). China's energy cooperation with foreign countries as a priority of its foreign policy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 2(859), 53–61. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современная глобальная геополитическая обстановка претерпевает значительные изменения. Они связаны с усилением многополярности, технологической конкуренцией и глобальными климатическими вызовами. Занимая лидирующие позиции в мировой экономике, Китай играет ключевую роль в перестройке глобальных энергетических и торговых связей. Внешняя политика КНР направлена на создание благоприятной международной обстановки для внутреннего экономического развития перед лицом беспрецедентных масштабных перемен при отстаивании национальных интересов. В условиях санкционного давления со стороны США и Европейского союза, а также растущей конкуренции за ресурсы энергетическое сотрудничество с зарубежными странами становится для Китая не только экономическим, но и стратегическим инструментом. Он позволяет укрепить свои позиции на международной арене.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИОРИТЕТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР С УЧЕТОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ИЗМЕНЕНИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Внешняя политика Китая строится на сочетании защиты его национальных интересов и адаптации к меняющейся международной обстановке. На фоне усиления конкуренции между великими державами и фрагментации международного порядка КНР вынуждена балансировать между защитой суверенитета, обеспечением устойчивого развития и укреплением своих позиций на международной арене. Ключевым ориентиром Китая остается сохранение внутривластной стабильности, экономического роста и территориальной целостности. Совокупность перечисленных политических установок Китая определяет прагматичный подход к содержанию его внешнеполитического курса.

Начиная с 2012 года внешняя политика Китая определяется концепцией «стратегической выдержки», предполагающей сдержанность в ответ на провокации, рациональное применение дипломатических механизмов и фокусировку на долгосрочных национальных интересах [人民论坛, 2012]. Инструментами реализации принципа «стратегической выдержки» стали экономическое сотрудничество и использование мягкой силы. Однако усиление конфронтации со странами Запада, применение ими таких инструментов, как технологическая блокада и военно-политическое сдерживание в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вынудило Китай пересмотреть свои подходы. В настоящее время ключевыми приоритетами Китайской Народной Республики в области внешней политики являются отстаивание суверенитета через диверсификацию партнерств, укрепление добрососедских отношений с сопредельными государствами и активное сотрудничество со странами «Глобального Юга». Эти направления позволяют Китаю создавать альтернативные центры влияния, снижая зависимость от западных институтов.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Одним из центральных направлений внешней политики КНР является отстаивание национальных интересов в условиях растущей конфронтации с западными странами, прежде всего, с США, которые считают свои ценности универсальными и укрепляют глобальное лидерство через институциональную гегемонию [Белозёров, 2015]. Китай активизирует дипломатические усилия для противодействия санкциям, особенно усилившимся после избрания Д. Трампа президентом США, критике в области прав человека и ограничениям в технологической сфере. Этот комплекс мер противостояния Китая «коллективному Западу» и США включает продвижение многополярной модели мироустройства, усиление роли международных институтов (например, ШОС, БРИКС) и развитие стратегического партнерства с Россией.

Немалое значение придается формированию добрососедских отношений с государствами, которые граничат с Китаем. Урегулирование территориальных споров в Южно-Китайском море, диалог с Индией по пограничным вопросам, а также инвестиции в инфраструктуру стран Центральной Азии через инициативу «Один пояс, один путь» направлены на минимизацию конфликтов и создание зоны стабильности. Особое внимание уделяется странам АСЕАН, которые рассматриваются как

ключевые партнеры в обеспечении региональной безопасности¹.

Укрепление связей со странами Глобального Юга остается для Китая стратегическим приоритетом. Через механизмы финансовой помощи, списание долгов и проекты в области здравоохранения Китай позиционирует себя как альтернативный центр силы, предлагающий модель сотрудничества без политических условий [戴永红, 周禹朋, 付乐, 2024]. Активное сотрудничество с государствами Африки, Латинской Америки и Южной Азии позволяет КНР расширять влияние, лоббировать свои интересы в ООН и формировать коалиции по вопросам климата и торговли.

Экономическая стратегия Китая направлена на интеграцию технологической модернизации, энергетической безопасности и продовольственной стабильности. Таким образом, долгосрочный экономический рост Китая предопределен целым рядом факторов, таких как доступ страны к необходимым ресурсам, рынкам и технологиям. Они существуют в рамках внешнеполитической повестки. Ключевыми инструментами остаются инициатива «Один пояс, один путь», заключение региональных торговых соглашений (например, ВРЭП) и продвижение юаня в международных расчетах. Однако энергетика как основа промышленного роста занимает особое место в экономических приоритетах внешней политики Китая. Энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами отражает синтез геополитической адаптации и экономического прагматизма, что позволяет стране укреплять свои позиции в условиях нестабильности.

Будучи традиционно крупнейшим импортером углеводородов в мире, Китай в значительной степени зависит от их импорта [Аппалуп, Келлер, 2024]. Ситуация, сложившаяся на рынке Китая, стимулирует диверсификацию поставок, инвестиции месторождений в Россию, в страны Персидского залива и в Африку. Импорт углеводородов и других продуктов, востребованных на мировом рынке, также способствует развитию в Китае зеленой энергетики. Проекты в области солнечной, ветровой и гидроэнергетики включая экспорт технологий укрепляет позиции КНР как одного из мировых лидеров. Китай признан состоятельным в борьбе с изменением климата. Параллельно Китай наращивает стратегические запасы нефти и газа, для того, чтобы снизить риски, порожденные геополитическими кризисами. В целом, экономическая

¹外交部. 中国—东盟全面战略伙伴关系行动计划（2022—2025）= МИД КНР. План действий по развитию всеобъемлющего стратегического партнерства между КНР и АСЕАН (2022—2025). URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202211/t20221111_10972996.shtml (дата обращения: 14.03.2025).

политика Китая строится на необходимости поддержания баланса между диверсификацией поставок энергоресурсов и развитием возобновляемых источников энергии. Так, в экономике Китая четко прослеживаются два направления энергетического сотрудничества с зарубежными странами: импорт энергоносителей для обеспечения потребностей своей экономики и экспорт зеленых технологий. Они становятся важным инструментом энергетической дипломатии.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

Индустриализация, урбанизация и рост потребительского сектора обуславливают высокий спрос на энергоресурсы в Китае. Он выступает как один из крупнейших потребителей на международном энергетическом рынке. Для обеспечения своей энергетической безопасности Китай активно развивает международное сотрудничество, в рамках которого импорт углеводородов и урановой руды остается стратегическим приоритетом. Это направление не только поддерживает стабильность внутреннего рынка Китая, но и укрепляет его геополитическое влияние через создание долгосрочных партнерств.

Импорт нефти является основой энергетической безопасности Китая, он обеспечивает более 70 % внутреннего потребления¹. КНР выстраивает многополярную систему поставок, диверсифицируя источники и минимизируя риски. Ключевыми партнерами Китая выступают такие страны, как Саудовская Аравия, Ирак, ОАЭ, Россия, Казахстан, Ангола, Нигерия, Бразилия, Венесуэла. Саудовская Аравия обеспечивает примерно 14 % китайского нефтяного импорта 2024 года (раньше эта доля была выше)². Таким образом, она сохраняет статус стратегического поставщика, укрепляемый долгосрочными контрактами и совместными проектами, такими как нефтеперерабатывающий комплекс в провинции Фуцзянь. Следует отметить, что Центрально-Азиатский регион, в частности, Казахстан играет роль «сухопутного моста»: трубопровод Атасу-Алашанькоу и проект Кашаган позволяют транспортировать нефть в Синьцзян, минуя узкие морские проливы (например, Малаккский пролив).

Кроме того, Китай активно инвестирует в зарубежные месторождения и инфраструктуру.

Китайские компании владеют долями в иракском месторождении Румайла, бразильских шельфовых проектах и венесуэльском поясе Ориноко. Китай в Африке сочетает нефтяные контракты с инфраструктурными кредитами, как в случае с ангольскими нефтяными блоками, где КНР финансировала восстановление портов и железных дорог.

Стратегия импорта природного газа Китая направлена на обеспечение стабильности поставок через диверсификацию его источников, развитие инфраструктурных проектов и расширение сотрудничества с зарубежными странами [中国天然气发展报告, 2024]. Совокупность этих рыночных опций позволяет Китаю снижать углеродный след, минимизировать риски и расширять зоны экономико-политического доминирования. Ключевую роль в трубопроводных поставках играет Туркменистан. Он обеспечивает свыше 45 % импорта газа благодаря магистрали «Центральная Азия – Китай»³, запущенной в 2009 году. Этот коридор не только стабилизирует энергоснабжение Китая, но и укрепляет позиции КНР в Центральной Азии. Он успешно дополняет китайское сотрудничество с Россией («Сила Сибири») и Казахстаном. Параллельно Китай наращивает закупки сжиженного природного газа (СПГ), несмотря на торгово-политические трения с США и Австралией. В 2024 году импорт американского СПГ вырос на 32,8 %⁴, что отражает прагматичный подход к обеспечению гибкости поставок.

Инвестиции в СПГ-инфраструктуру в Африке (Мозамбик, Нигерия) и Азии (Пакистан, Бангладеш) интегрируют газовую стратегию в инициативу «Один пояс – один путь», превращая энергетические проекты в инструмент геополитического влияния. Например, порт Гвадар в Пакистане, финансируемый Китаем, служит логистическим узлом для СПГ-поставок, усиливая присутствие КНР в Индийском океане. Однако зависимость от морских маршрутов и ценовых колебаний делает Китай, как прежде, уязвимым. Поэтому так необходим баланс между трубопроводными и СПГ-источниками.

Несмотря на снижение доли угля в энергобалансе КНР, импорт остается значимым для покрытия дефицита высококачественных ресурсов и нужд промышленности. Основными поставщиками являются Австралия, Индонезия, Россия и Монголия. До 2020 года Австралия доминировала в китайском импорте, однако политические

¹国家统计局. 中国统计年鉴. = Национальное бюро статистики КНР. Статистический ежегодник Китая. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm> (дата обращения: 14.03.2025).

²中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 14.03.2025).

³中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 14.03.2025).

разногласия и торговые ограничения актуализировали торговлю Китая с Россией и Монголии, которые поставляют уголь через сухопутные коридоры (железная дорога Забайкальск – Маньчжурия) и порты Дальнего Востока. Индонезия остается ключевым морским партнером Китая благодаря географической близости и гибким контрактным условиям. Кроме того, Китай заключает соглашения со странами «Глобального Юга», включая ЮАР и Мозамбик. Тем не менее экологические обязательства и активное развитие возобновляемых источников энергии постепенно вынуждают Китай уменьшать долю угля в своей структуре энергопотребления.

Другим ключевым направлением развития энергетического сотрудничества Китая с зарубежными странами является экспорт оборудования для зеленого перехода. Китай доминирует в производстве солнечных панелей, ветроэнергетических установок и электромобилей. Экономическое доминирование Китая в разработке дорогостоящих экологических проектов обусловлено масштабными государственными инвестициями в НИОКР и вертикально интегрированными цепочками поставок. Экспорт таких технологий жизненно необходим, он открывает возможности для сотрудничества Китая как с развитыми странами, так и с государствами «Глобального Юга». С одной стороны, развивающиеся страны стремятся выполнить климатические обязательства в соответствии с Парижским соглашением, а с другой – не обладают достаточными ресурсами для самостоятельного развития зеленой инфраструктуры.

С геополитической точки зрения экспорт зеленых технологий позволяет Китаю пересмотреть баланс сил. Китай трансформирует энергетическую зависимость стран-импортеров в инструмент мягкой силы. Китай встраивает свои стандарты (например, решения для умных сетей) в энергетические системы государств Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, что усиливает геополитическое влияние Китая в указанных регионах. Проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь», такие как солнечные электростанции в Пакистане или ветропарки в Аргентине, не только обеспечивают лояльность местных элит, но также создают плацдармы для продвижения китайской валюты. Она постепенно вытесняет доллар из международных расчетов и цифровых платформ. При этом КНР избегает прямой конфронтации с Западом. Китай позиционирует себя как «нейтрального поставщика климатических решений», что заметно контрастирует с санкционной политикой США и ЕС. Однако гибкая стратегия Китая сталкивается с сопротивлением: США вводят ограничения на

китайские солнечные панели, а ЕС развивает собственные производственные цепочки в рамках зеленого курса, стремясь снизить зависимость от КНР.

Воздействие экспорта зеленых технологий на мировой энергетический рынок носит комплексный характер. С одной стороны, доступность дешевых китайских технологий ускоряет глобальный энергопереход, снижая цены на оборудование для ВИЭ и делая их экономически выгодной альтернативой ископаемому топливу, а с другой – ускорение глобального энергоперехода подрывает позиции держав, чьи бюджеты в значительной степени зависят от экспорта нефти и газа. Влияние Китая на мировую экономику имеет еще один аспект: производство «зеленого оборудования» в Китае неизбежно сопровождается рядом проблем. К их числу относятся сбои в цепочках поставок (их повышенная частотность наблюдается во время ковидных локдаунов), экономические следствия политических решений Китая (например, эмбарго на экспорт редкоземельных металлов). Всё это может в значительной степени затормозить реализацию энергетических проектов Китая по всему миру.

Стоит добавить, что экспортная стратегия КНР в области зеленой энергетики сталкивается с серьезными вызовами. Во-первых, это растущая конкуренция со стороны стран Запада. В частности, они наращивают собственное производство технологического оборудования в рамках зеленого перехода, используя протекционистские меры (например, Закон о снижении инфляции в США)¹. Во-вторых, это экологические и социальные риски китайских проектов: добыча лития в Африке для производства аккумуляторов часто сопровождается нарушением прав местных сообществ, что подрывает репутацию Китая как «зеленого партнера» [Zengeni, 2020]. В-третьих, это зависимость от угля. Она сохраняется в китайской энергетике, в результате чего возникает противоречие между внутренней и внешней климатической риторикой [Макеев, 2022].

Тем не менее Китай продолжает укреплять позиции в глобальной цепочке создания стоимости зеленых технологий. Инвестиции в НИОКР, масштабирование производства и гибкая финансовая поддержка (через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций) позволяют Китаю предлагать комплексные решения – от строительства электростанций до обучения местных кадров. Участие Китая в мировых экономических процессах формирует модель, при которой энергетический переход в развивающихся странах становится

¹Inflation Reduction Act of 2022. URL: <https://www.congress.gov/bills/117th-congress/house-bill/5376> (дата обращения: 14.03.2025).

неотделим от китайских технологических стандартов. Таким образом, экспорт оборудования для декарбонизации превращается в важный элемент мягкой силы КНР. Он обеспечивает Китаю возможность совмещать свои экономические интересы и стратегические цели.

Таким образом, энергетическое сотрудничество с зарубежными странами позволяет КНР не только диверсифицировать источники импорта энергоресурсов, но и укреплять свое технологическое лидерство. Это создает основу для устойчивой энергетической безопасности в условиях глобальных вызовов.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

Энергетическое взаимодействие КНР с «Глобальным Югом» – со странами Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии – занимает центральное место в стратегии Китая по обеспечению ресурсной безопасности и укреплению геополитических позиций. Перечисленные регионы обладают значительными запасами углеводородов и минералов. Они критически важны для производства высокотехнологичного оборудования в рамках зеленого перехода. Поэтому они позволяют Китаю диверсифицировать поставки, сократить зависимость от традиционных партнеров и переформатировать глобальные энергетические цепочки. Энергетическое сотрудничество Китая со странами Глобального Юга демонстрирует как общие стратегические черты, так и региональную специфику, обусловленную геополитическими, экономическими и институциональными факторами.

Основу энергетического взаимодействия Китая с государствами «Глобального Юга» составляет модель «ресурсы – капитал – инфраструктура», реализуемая через государственные банки (Экспортно-импортный банк Китая) и компании (CNPC, Sinopec) [Mohan, Tan-Mullins, 2019]. Например, в Африке нефтегазовые контракты с Анголой сопровождались строительством дорог, а в Латинской Америке инвестиции в литиевые проекты в Аргентине сочетались с созданием инфраструктурных объектов.

Стратегическая дифференциация подходов отражает комплексный, многовекторный характер энергетического сотрудничества Китая с иностранными государствами. В Африке акцент делается на укрепление ресурсной базы и политического влияния в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [Дейч, 2020]. В Латинской Америке целью является диверсификация источников импорта

энергоносителей и попытка конкурировать с США в регионе их традиционного доминирования. В Юго-Восточной Азии сотрудничество направлено на интеграцию энергосистем для формирования «сообщества единой судьбы». Однако системные риски, такие как долговая нагрузка (кризис в Шри-Ланке), экологические протесты (конфликты вокруг плотин на Меконге), политическая волатильность (перевороты в Мали) и территориальные проблемы (в Южно-Китайском море) требуют адаптации механизмов взаимодействия.

Энергетическое взаимодействие Китая с развитыми государствами, включая США, страны ЕС и Японию, формируется под влиянием сложного переплетения стратегических интересов и технологической конкуренции. В условиях глобального энергоперехода эти отношения определяются как общими целями декарбонизации, так и противоречиями, вызванными геополитическими амбициями.

Главной целью сотрудничества Китая с вышеозначенными странами является декарбонизация, отраженная в китайской стратегии «двойной углеродной нейтральности» и инициативах развитых стран, таких как европейский зеленый курс, американский «Закон о снижении инфляции» и японская «Стратегия зеленого роста». Эти программы нацелены на снижение зависимости от ископаемых ресурсов и развитие возобновляемой энергетики.

Стратегии взаимодействия с Китаем в сфере энергетики варьируются в зависимости от геополитических приоритетов развитых стран. США демонстрируют дихотомию сотрудничества и сдерживания, активизируя экспорт энергоносителей, но ограничивая передачу критических технологий. ЕС делает акцент на нормативном лидерстве, используя такие инструменты, как Механизм корректировки углеродных границ (CBAM). Этот Механизм требуется для синхронизации китайских стандартов с международными. Япония сочетает технологический трансфер с ресурсной дипломатией, заключая долгосрочные контракты на поставки СПГ для снижения «азиатской премии» к ценам на газ.

На современном этапе сотрудничества с развитыми странами Китай сталкивается с тремя ключевыми вызовами: конкуренцией стандартов в водородной энергетике, регионализацией цепочек поставок и инструментализацией климатической повестки. Эти тенденции указывают на формирование блоковой архитектуры энергетического взаимодействия.

Занимая важное место в энергетической стратегии Китая, Россия стала его стратегическим партнером. Причем партнерство двух стран возросло на фоне их изоляции от Запада. Развитию энергетического сотрудничества между двумя странами

способствуют совпадению их геополитических интересов, взаимодополняемость ресурсов и технологическая интеграция. Основу этого партнерства составляют долгосрочные проекты в области углеводородов, атомной энергетики и возобновляемых источников энергии, которые не только укрепляют энергетическую безопасность сторон, но и формируют новые форматы глобального влияния.

Являясь частью «антисанкционного фронта», энергетическое сотрудничество Китая и РФ заставляет Вашингтон пересматривать свою стратегию сдерживания в отношении обеих стран. Для стран Евросоюза присоединение к санкциям против Российской Федерации обернулось значительным экономическим ущербом. В частности, прекращение сотрудничества с Россией и Китаем в энергетической сфере подчеркивает уязвимость стран Запада перед внешними шоками и вынуждает их искать новые подходы к обеспечению собственной энергетической безопасности [Рукавицын, 2023]. Поэтому сотрудничество с Китаем позволяет России сохранить статус энергетической сверхдержавы за счет переориентации экспорта с Европы на Азию. Для Китая же доступ к российским ресурсам усиливает энергетическую безопасность, снижая уязвимость перед перебоями поставок из Персидского залива и напряженностью в Южно-Китайском море. Параллельно изменение финансовых механизмов китайско-российского энергетического сотрудничества (расчеты в юанях и рублях) бросают вызов долларовой гегемонии, что ускоряет формирование многополярной системы [Третьякова, 2022].

Особого внимания заслуживает взаимодействие двух стран в «зеленой сфере», где энергетическое сотрудничество постепенно смещается в сторону зеленых технологий. Китайские компании поставляют оборудование для модернизации гидроэлектростанций в Сибири (Усть-Илимская ГЭС), а также планируют участвовать в строительстве ветропарков в Арктической зоне¹. Участие в русско-китайских экологических проектах позволяет КНР закрепиться на рынке, который традиционно зависел от европейских поставщиков, а России – диверсифицировать направления энергетического сотрудничества в условиях санкций. Однако стремясь к технологическому лидерству в зеленой энергетике, Китай постепенно снижает зависимость от углеводородов, что в перспективе

приведет к уменьшению значимости российских ресурсов для КНР.

Активное участие Китая в международных энергетических организациях и соглашениях отражает его стратегию, направленную на трансформацию глобальной энергетической архитектуры в пользу многополярности и снижения зависимости от западных институтов. Членство в структурах, таких как Международное энергетическое агентство (в качестве ассоциированного участника), партнерство с ОПЕК+, а также инициативы в рамках ШОС и БРИКС позволяют Китаю лоббировать правила, учитывающие интересы развивающихся экономик. Например, через зеленые инвестиции в рамках Парижского соглашения Китай позиционирует себя как лидера энергоперехода, одновременно расширяя экспорт солнечных панелей и аккумуляторов, что создает новые рынки сбыта.

Параллельно Китай использует платформы межгосударственного взаимодействия, например, такие как Форум китайско-арабского сотрудничества, для заключения долгосрочных контрактов с поставщиками, фиксируя цены и объемы поставок. Это позволяет стране обеспечивать стабильность энергоснабжения и сокращать рыночную волатильность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время энергетическое сотрудничество КНР с зарубежными странами является не только одним из важных экономических приоритетов внешней политики Китая, но и выступает ключевым инструментом реализации его национальных интересов на международной арене. Обеспечение энергетической безопасности через диверсификацию поставок углеводородов, инвестиции в инфраструктуру и формирование долгосрочных партнерств с Россией, а также со странами «Глобального Юга» позволяет Китаю снижать зависимость от западных институтов. Параллельно КНР укрепляет статус глобального лидера в зеленом переходе, экспортируя оборудование для ВИЭ и интегрируя климатическую повестку в свою дипломатию. Однако реализация китайской стратегии по развитию энергетического сотрудничества с зарубежными странами наталкивается на целый ряд проблем. Это и растущая конкуренция с Западом, и наметившаяся тенденция формирования блоковой архитектуры энергетического взаимодействия, и экологические и долговые риски проектов в развивающихся странах.

¹China Willing to Work With Russia on Nuclear, Wind Power Projects in Arctic – State Grid // Sputnik, 2019. URL: <https://pro-arctic.ru/10/10/2019/news/38078> (дата обращения: 14.03.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 中国之定力——应对复杂局势的核心所在 [J]. 人民论坛. 2012(S1): 12–13 = Способность выдержки государства – основа реагирования на сложные ситуации // Народный форум. 2012. Вып. 1. С. 12–13.
2. Белозёров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. 2015. № 4. С. 19–24.
3. 戴永红, 周禹朋, 付乐. 中国的“全球南方”观与“全球南方”合作发展前瞻 [J]. 当代中国与世界. 2024(03): 56–70 = Dai Yonghong, Zhou Yupeng, Fu Le. Взгляд Китая на «Глобальный Юг» и перспективы сотрудничества и развития на «Глобальном Юге» // Современный Китай и мир. 2024. Вып. 03. С. 56–70.
4. Appalup V. A., Keller D. D. Энергетическая политика Китайской Народной Республики (КНР) под влиянием климатической повестки // Трансформация мировой энергетики: главные тенденции, экзогенные шоки и кризисы, климатическая повестка: сборник материалов Международной научной конференции / под ред. С. В. Жукова. М.: ИМЭМО РАН, 2024. С. 28–35.
5. 中国天然气发展报告 (2024). 北京: 石油工业出版社, 2024. 7. = Доклад о развитии природного газа в Китае (2024). П.: Издательство нефтяной промышленности, 2024.
6. Zengeni K. T. Sino-African Relations: Emerging Concerns and Dynamics // Journal of International Studies. 2020. № 09. P. 77–97.
7. Макеев Ю. А. [и др.]. Энергетический переход в Китае: перспективы и препятствия / Ю. А. Макеев, А. И. Салицкий, Н. К. Семенова, Чжао Синь // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 9–32.
8. Mohan G, Tan-Mullins M. The geopolitics of South–South infrastructure development: Chinese-financed energy projects in the global South // Urban Studies. 2019. № 7 (56). P. 1368–1385.
9. Дейч Т. Л. Место Африки в инициативе Китая «Один пояс – один путь» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 2 (64). С. 118–127.
10. Рукавицын П. М. Российско-германское сотрудничество в сфере энергетики: смена парадигмы и ее экономические и политические последствия для ФРГ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. № 3 (23). С. 303–312.
11. Третьякова Г. В., Казаченко А. А., Лыонг Н. Л. В. Перспективы использования национальных валют в международных расчетах с участием России и Китая // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 58. С. 190–207.

REFERENCES

1. 中国之定力——应对复杂局势的核心所在[J]. 人民论坛. 2012 (S1): 12–13 = China's Resilience: The Core of Navigating Complex Situations (2012). People's Tribune, 1, 12–13. (In Chinese)
2. Belozero, V. K. (2015). The National Security Strategy of The United States as a New Manifesto of The Global Hegemony. Vlast, 4, 19–24. (In Russ.)
3. 戴永红, 周禹朋, 付乐. 中国的“全球南方”观与“全球南方”合作发展前瞻[J]. 当代中国与世界. 2024(03): 56–70 = Dai Yonghong, Zhou Yupeng, Fu Le (2024). China's Perspective on the “Global South” and Prospects for Cooperation and Development with the “Global South”. Contemporary China and the World, 03, 56–70. (In Chinese)
4. Appalup, V. A., Keller, D. D. (2024). Ehnergeticheskaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki (KNR) pod vliyaniem klimaticheskoy povestki = Energy Policy of the People's Republic of China (PRC) under the Influence of the Climate Agenda. In S. V. Zhukov (ed.): Transformaciya mirovoj ehnergetiki: glavnye tendencii, ehkzogennyye shoki, transformacia mirovoj ehnergetiki: glavnye tendencii, ehkologennyye shoki i krizisy, klimaticheskaya povestka (pp. 28–35): The digest of article of an international scientific conference. (In Russ.)
5. 中国天然气发展报告 (2024). 北京: 石油工业出版社, 2024. 7. = China Natural Gas Development Report (2024). Beijing: Petroleum Industry Press. (In Chinese)
6. Zengeni, K. T. (2020). Sino-African Relations: Emerging Concerns and Dynamics. Journal of International Studies, 09, 77–97.
7. Makeev, Yu. A., Salitskii, A. I., Semenova, N. K., Zhao, Xin (2022). Energy Transformation in China: Perspectives and Obstacles. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 15(2), 9–32. (In Russ.)
8. Mohan, G, Tan-Mullins, M. (2019). The geopolitics of South–South infrastructure development: Chinese-financed energy projects in the global South. Urban Studies, 7(56), 1368–1385.
9. Deich, T. L. (2020). Africa's Place in The Chinese Initiative “One Belt – One Road”. World Economy and International Relations, 64(2), 118–127. (In Russ.)

10. Rukavitsyn, P. M. (2023). Russia-Germany energy cooperation: How paradigm change affects Germany's economy and politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 23(3), 303–312. (In Russ.)
11. Tretyakova, G. V., Kazachenko, A. A., Lyong, N. L. V. (2022). Trends and prospects of national currencies in international settlements with the participation of Russia and China. *Tomsk State University Journal of Economics*, 58, 190–207. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чэнь Фанбо

аспирант кафедры политологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chen Fangbo

Postgraduate Student

Department of Political Sciences

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

14.03.2025
09.04.2025
06.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication